

Several light gray feathers are scattered across the upper half of the page, some pointing left and some right.

АНТОНИНА
КРЕЙН

Ш О Л О Х
ТЕНЕВЫЕ БЛИКИ

A black silhouette of a crow or raven perched on a thin vertical line that ends in a small black star.

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

A large, light gray feather is centered in the lower half of the page. Two smaller light gray feathers are positioned to its left and right, one above and one below.

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К79

Иллюстрация на переплете *Дарьи Бобровой*
Дизайн обложки и внутреннее оформление
Екатерины Тимей

Крейн, Антонина.

К79 Шолох. Теневые блики / Антонина Крейн. — Москва : Эксмо, 2023. — 544 с.

ISBN 978-5-04-111933-1

Тинави живет в столице колдовства, но напрочь лишилась магии. Теперь на ее будущем можно поставить крест.

Но в полнолуние она спасает странного мальчишку с амнезией, а следующим утром внезапно получает работу Ловчей — детектива по делам чужестранцев. В паре с магом Польнью Тинави предстоит отыскать убийцу, орудующего в самом сердце королевства — во дворце. Постепенно девушка убеждается, что на магии свет клином не сошелся.

Только вот незадача: все ее новые знакомые — не те, кем кажутся на первый взгляд...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111933-1

© Крейн А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

1

ДОЛГ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ

И я коснулся дна и, оттолкнувшись,
вверх поплыл на свет неведомых,
невидимых планет...

Старинная дэльская песня

Дважды в месяц, на новую и на полную луну, все жители Шолоха крепко запирают двери своих домов.

В это время смутные тени в темно-зеленых одеждах выходят в лес. Их неясные лица под глубокими капюшонами дышат золотом старинных гобеленов, а ярко-оранжевые фонари освещают им путь. Шаги незнакомцев легки: ни одна травинка не чувствует их тихой поступи. Всюду царит безмолвие. Не крикнет птица, не шелохнется листва старой ивы.

В такие ночи Шолох, столица Лесного королевства, безраздельно отдан духам.

Мы называем их бокки, потому что на древнем наречии Восточных Пределов «бокки» означает «искра», «тайна» и «непостижимое».

Бокки бродят по всему городу. Они кружат по дубовым рощам, выходят на центральные улицы, спускаются к бурным водам реки Нейрис. Иногда они подолгу стоят под окнами того или иного дома, и только фонари со скрипом раскачиваются на ветру.

Никто не смеет нарушить дозор бокки-с-фонарями.

Нельзя препятствовать их скорбным прогулкам. Они — егеря старых королей, важнейшая часть нашей истории. Признавая право бокки на две ночи в месяц, мы будто снимаем шляпу перед богами-хранителями, без которых Шолох никогда не стал бы Шолохом.

Но... как быть, если дух уже битый час топчется на твоей клумбе и колотит, колотит, непрерывно колотит в окно фонарем?

— Вот зараза! — Кадия поднялась из кресла и потопала к нарушителю спокойствия. От обжигающего чая носик подруги раскраснелся, оттеняя ее пшеничную шевелюру.

— Эй, ты, призрак! — Кад ткнула пальцем в стекло. — А ну брысь отсюда!

Ноль эффекта. Бокки по ту сторону продолжал бесчинствовать.

Хотя я на его месте поумерила бы пыл: Кадия страшна в гневе. Писаная красавица, стражница, дочь высокопоставленного чиновника и просто боевая натура, она кому хочешь задаст жару. Будь он хоть трижды «непостижимый».

Я тоже с любопытством подошла туда, где спальня обрывалась в ночь. За панорамным окном во всю стену, выпуклым, как аквариум, мир духов плыл под толщей волшебства.

И только бокки все стучал. Вот сумасшедший дятел!

— Что будем делать? — протянула я.

6 — Не обращайтесь внимания! Тогда ему, наверное, надоест, — предложил Дахху.

Дахху — это третий и последний из нашей дружной компании.

Сейчас друг полулежал на диване, и длинный полосатый шарф обматывал его шею свободными петлями, свисая чуть ли не до пола. Дахху дотошно изучал передовицу «Вострушки» (лучшая столичная газета, печатается под редакцией Анте Давьера). В новостях не было ничего интересного, но Дахху, знаете ли, педант.

И, думаю, он прав насчет бокки. Я кивнула и нагло-хо задернула шторы.

— Вот и славненько! — одобрила Кадия, когда глубокий синий бархат приглушил истерику духа.

Подруга с размаху плюхнулась на грушеподобный пуф, схватила миску с виноградом и продолжила учиться ловить ягоды ртом — с подброса. Получалось ужасно! Половина трагически улетала на пол, но Кадию это не смущало. Ее вообще не многое могло смутить. К сожалению.

Кстати, да, я же не объяснила.

Кадия, Дахху и я — бывшие однокурсники. Семь лет мы втроем жили у строгого наставника, магистра Орлина, получая достойное аристократов высшее образование. Боюсь, с точки зрения науки мы остались жуткими невеждами, зато обрели нечто не менее ценное, чем знания, — настоящих друзей. Тех, за кого держишься крепко, как за шток-мачту во время шторма. И кому легко прощаешь минное поле из винограда на своем ковре.

Раз в неделю мы с ребятами собираемся на совместную ночевку у меня дома.

Вечеринки всегда проходят одинаково: мы болтаем обо всем на свете, потом кого-нибудь тянет танцевать, и мы пляшем, будто бешеные кочевники, а ближе к утру заваливаемся спать, и по комнате долго летают уютные шепотки: «Ты уже уснула?», «Дахху храпит, зараза», «Давай ему лимоном на язык капнем?».

И ни разу еще в нашу тесную компанию не пытался ворваться чужак. Тем более такой неожиданный и рьяный, как бокки-с-фонарем.

Стук фонаря о стекло все еще слышался, но тихо. Я вернулась к своему занятию: подошла к камину и стала технично рвать письма, пришедшие за год. Обрывки официальных бумаг — сплошь отказы в приеме на работу — мертвыми мотыльками падали по ту сторону витой решетки. Будет холодный день — разожгу огонь и спалю все это к праховой бабушке.

— Тинави, а что с твоим последним заявлением? —
вдруг с набитым ртом спросила Кадия.

Я изобразила, что не слышу.

— Тина-а-а-ави! — пропела подруга.

— Каким из них? — неохотно буркнула я.

— На должность тренера по тринапу.

Мой взгляд скользнул к остаткам конверта в глубине камина. Я пожала плечами:

— Моя кандидатура им не подошла. Вы бы видели, как перекошило рекрутера, когда я сказала, что я магическая калекка. Я уж думала — инсульт! Откачивать его собралась...

Кад нахмурилась:

— Да перестань ты называть себя калеккой! Магия не часть тела. Ее потеря несравнима с физическим увечьем. И учитывая, где я работаю, я знаю, о чем говорю.

— Заметь — ты работаешь. А я — нет. Никому в королевстве не нужны отбросы общества.

— Хей, девушка, следите за языком!

Я отвернулась к книжному шкафу, пряча лицо. В зеркале на полке отразилось, как Дахху таращит глаза и знаками показывает Кадии, чтобы она сменила тему. Деликатный ты мой...

Я фыркнула:

8 — А что? Все равно никто не нуждается в моих услугах. Дахху целыми днями гундит, что не реализуется в Лазарете, ты жалуешься на коллег-стражников, а я... Завидую, наверное. Очень весело сидеть дома и смотреть, как жизнь пронесется мимо. И все из-за одной оплошности в выпускную ночь! — Я запнулась.

Потом с горестью продолжила:

— Тринап был моей последней надеждой. Казалось, какое дело миру спорта до моих магических способностей? Но нет. Отказ. Несмотря на все мои медали. Вот они, сплошные плюсы жизни в колдовской столице! Больше идей о трудоустройстве у меня нет. Так что: добро пожаловать на дно, Тинави из Дома Стражду-

щих! — Я театральным жестом распростерла руки и поклонилась.

Перехватив мой взгляд, Дахху сочувственно блеснул глазами из-под темно-коричневой, в цвет волос, шапки. Зима на улице или конец мая, как сейчас, — будьте уверены, Дахху из Дома Смеющихся не расстанется с вязаными аксессуарами. Богемный шик? Да нет! Скорее, нехитрый способ спрятать шрамы, полученные в детстве. И седые пряди на макушке.

Кадия же ринулась в бой: выкарабкалась из мягкого пуфа, засасывающего, как зыбучие пески, подошла ко мне и ободряюще потрепала по плечу. Жест получился воистину материнским: Кадия выше меня на голову.

— А ну, отставить грусть! Надо продолжать бороться! Бороться до конца! — патетически заявила Кад, как на трибуне выступала.

И, следуя ее завету, со стороны окна послышалось настолько отчаянное, страшное звяканье стекла о стекло, что мы втроем аж подпрыгнули.

Дахху мигом отбросил газету. Друг вскочил, подбежал к окну и дернул за бархатную веревочку. Шторы со скрипом разехались в стороны. За ними, как на театральной сцене, снова возник бокки-с-фонарем.

На сей раз пустое лицо призрака оказалось в пугающей близости: оно почти прижималось к стеклу. Туманный подол зеленого плаща змейкой вился вокруг моих розовых кустов. Сгустившаяся до черноты ночь пахла холодом.

Дахху шумно сглотнул и хотел отступить, но мы с Кадией уже подперли его сзади. Ведь нам известно: любопытство веселее страха.

В стекле слабо светились наши отражения: задиристая красотка Кад, носатик Дахху и моя глазастая физиономия. Между нами, будто мистический судия, мерцал стоявший по ту сторону бокки.

У лесного духа резко прибавилось энтузиазма. Теперь он колотил без остановки.

— Э-э... — сказала я. — Он так окно разобьет!

— Да он там не один! — Отражение Дахху зашевелило полупрозрачным ртом. — Вон, от леса еще идут.

Следующие пару минут мы во все глаза таращились на происходящее в саду. Музыкальное сопровождение в стиле «звяк-дзыньк-звяк-гыдыщ» добавляло сцене колорита.

Вдали, между густо растущих сосен, зажигались новые и новые огоньки — оранжевые искры в лесной прохладе, тихой и влажной, как речное дно. Призраки приближались, плывя в двух сантиметрах над землей.

Кадия озадаченно хмыкнула:

— Тинави, у тебя дома достаточно еды? Чувствую, придется держать осаду!

Вдруг Дахху прильнул к окну, всматриваясь. У калитки творилось неладное: две дюжины бокки столпились там тесным кругом. Наш бокки-первопроходец тоже развернулся и отчалил. Мне показалось, что нечто чужеродное закралось среди духов. Я сощурилась. В зеленовато-зыбких рядах мелькнуло что-то белое... Еще раз, еще...

— Народ, а там может быть человек? — Голос у Кадии неожиданно охрип.

— Да вряд ли... — протянула я.

И тотчас мы поняли, что ни разу не «вряд ли». Среди бокки действительно затесался кто-то в белой одежде: человек был плохо виден, но, судя по всему, отчаянно махал руками.

10 Дахху не стал махать в ответ и молча бросился в прихожую. Мы кинулись за ним.

В моей голове лихорадочно завертелись обрывки старых сказок: «Кто выйдет к бокки — того найдут через сорок дней под горой»; «Бокки коснулся Ши Лиардана, и мальчик обернулся черной птицей, после чего навсегда улетел в ночное небо». Или вот это, мое любимое: «Бокки поставил фонарь на землю и съел ее живьем».

Что вполне могло оказаться правдой, потому что в Шолохе настолько уважают бокки и настолько боятся нарушить хлипкое магическое равновесие, помешав им, что никогда не изучают духов экспериментально. Только на расстоянии: через окошко и по книжкам.

А значит, никто по факту не знает, чем обернется столкновение с бокки лицом к лицу. Верней, лицом к капюшону.

В коридоре Кадия молниеносно сдернула с крючка мою битую для тринапа и пинком распахнула дверь. Мгновение спустя она уже мчалась через лужайку, тонконогая и стремительная, как зубастая цапля Рычащих болот. Дахху семенил следом, стараясь не расплескать собранное в ладонях заклятие.

Итак, прошу любить и жаловать: мои друзья – храбрые самоубийцы! Ладно Кадия, она стражница и привыкла к тому, что может надрать задницу очень многим, но зачем доходяга Дахху из года в год сует голову в самые узкие и безнадежные петли – это для меня загадка.

Прихватив с вешалки зонтик – так себе оружие, но он хотя бы острый, – я шустро выбежала за ними.

Трава под босыми ногами была неприятно холодной. Полная луна просвечивала сквозь верхушки пиний. В ее неверном свете сцена, развернувшаяся в саду, напоминала шаманский обряд.

При появлении Кадии, которая с криками бежала в авангарде нашей маленькой армии, бокки начали медленно расходиться. Очень медленно, как мед, лениво уступающий воткнутой в него ложке. Подруге пришлось остановиться и грозно потрясать битой, не сходя с места, иначе бы она просто врезалась в неохотно разбредающих духов. Серая флисовая пижама Кад издали казалась доспехами.

— Ну-ка пошли отсюда! Кыш! — Подруга разгоняла бокки, как кур на ферме. Как ни странно, призраки слушались: уплывали прочь с таким колоссальным спокойствием, будто все было в пределах нормы.

Дахху подскочил к лежащему на земле пареньку. Возле того еще отиралась пара бокки, но лекаря, вошедшего в раж, это не смутило. Он прошмыгнул, предупреждая приоткрыв ладони с бурлящим заклятием, и был таков. Я выставила зонтик на манер щита и стала оттеснять запоздавших духов вбок. Кадия продолжала размахивать битой и сыпать проклятиями.

Это было излишне: бокки все равно не собирались оставаться в обществе таких негостеприимных хозяев. Чуть ли не откланявшись напоследок, они растворились вдали.

Виновником нашей вылазки оказался подросток лет двенадцати. Невысокий, с лицом правильной овальной формы, он свернулся на траве калачиком и лежал, подложив руку под голову. Уютненько так лежал. Каштановые волосы с легкой рыжинкой (совсем как у меня!) были подстрижены под горшок. Курносый нос побледнел, созвездие из родинок темнело на щеках, а белый комбинезон мальчика был перепачкан зелеными стрелами разнотравья и земляной крошкой.

— Он жив? — с опаской уточнила я у Дахху.

12 Друг пытался нащупать у незнакомца пульс. Шапка Дахху съехала набекрень, фисташковые глаза блестели от адреналина.

— Да, — облегченно выдохнул он. — Еще как жив.

— Тогда затащим мальчишку в дом. — Я огляделась. — Вдруг духи вернутся?

Мы втроем подхватили «жертву» на манер мешка с песком и заторопились в сторону коттеджа. Поднявшийся ветер лишил меня видимости: длиннющие волосы Кадии наделились мне на лицо, так что я шла почти

наобум. Но все равно увидела, когда из руки мальчика что-то выпало.

— Донесем, я потом подниму, — предложил Дахху. Наш спасенный был на удивление тяжелым для своего телосложения.

— Он что, кольчугу под одеждой таскает? Откуда столько килограммов? — пыхла я, преодолевая последние ступени своего так некстати высокого крыльца.

— Не, точно не кольчугу. Она б из-под рубахи выпирала, — со знанием дела прокомментировала Кад.

Наконец мальчик оказался в гостинной. Филин Маррах, мой домашний питомец, проснулся и тревожно заухал в углу.

— Я мигом, — сказал Дахху и вышел в ночь.

Когда он вернулся, его глаза были в два раза больше, чем обычно, а шапка окончательно уползла на затылок. Шарф размотался, волочась за другом по полу.

— До меня дотронулся бокки, — глухо сказал Дахху.

— Что? Как? Они же все ушли?!

— Один остался. Когда я поднял вещицу, бокки уже стоял рядом. Он коснулся моего локтя и пропал. Но теперь я испытываю некий дискомфорт и ощущаю, кхм, перепад температур...

Я потрогала руку Дахху. Кожа была ледяной. Друг вручил мне безделушку мальчика и начал интенсивно растирать локоть.

Вещица представляла собой цилиндр из неизвестного фиолетового металла. Она оканчивалась широкой частью, похожей на абажур, который сбоку перекрывало молочно-белое стекло. Посередине нашлась мягкая кнопка со схематично изображенной дверью. Я нажала на нее несколько раз, но ничего не произошло.

Я положила вещицу на стол и снова посмотрела на Дахху. Смеющегося знобило.

— Возможно, ощущение холода — это нервное, — предположила я.

— Надеюсь. — Дахху передернуло. — Не хочу практиковать ампутацию на самом себе. Как раз на следующей неделе ее проходить будем...

— Да ладно! Если ты не затынешь с исповедью, тебя мигом вылечат.

— Ты думаешь, мне стоит рассказать в Лазарете о случившемся? Да за выход к бокки меня лишат стипендии!

— По-твоему, стипендия важнее руки?

Кадия, рубанув по воздуху ладонью, прервала нашу дискуссию:

— Так! Народ! Давайте решать проблемы по мере поступления. Сейчас у нас есть некий мальчик без сознания, и лично я хочу привести его в чувство, чтобы понять, за каким прахом он поперся гулять в полнолуние. Может, он вообще оборотень какой, и мы зря его спасли. Нужно срочно определиться с его добропорядочностью. Это наш долг перед обществом! Так что извольте помочь. Дахху, на пощечины он не реагирует, что там с пробуждающими заклятиями?

Заклинания не сработали. Мальчик мирно спал.

Оставшееся до рассвета время — а поздней весной солнце встает очень рано — мы пытались его разбудить. Кадия — пинками и ушатом ледяной воды. Дахху — вожжой. Я — уговорами.

14 Под утро мы совершили еще одно жуткое преступление: связали подростка простынями, затолкали полчившийся кулек между диваном и стеной и с полными сомнения душами легли спать.

— Кад, — шепнула я подруге, когда Дахху вырубился. — Как думаешь, нас не посадят за такое в тюрьму?

— Сегодня не посадят! — оптимистично отмахнулась Кадия и сразу же мирно засопела.

Я со вздохом последовала ее примеру.

2 ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ПОЛЫНЬЮ!

Удача — это всего лишь умение быть начеку.

*Балатон из Дома Мчащихся,
Глас короля*

Меня разбудил громкий стук в дверь. Тяжелые резкие удары, будто добиться внимания пытался горный тролль, а то и кто побольше.

В комнате было душно и желто от всепроникающего солнечного света.

Я подскочила на кровати и побежала открывать, на ходу перепрыгивая через спящие на матрасах тушки Дахху и Кадии. За диваном угрюмо безмолвствовал то ли спасенный, то ли похищенный мальчик.

Мальчик!

Прахов прах, прах, прах!

Неужели это Смотрящие из Лесного ведомства пришли по наши преступные души? Или чародеи-Лакмусы хотят перекинуться парой ласковых? А может, вообщее Ходящие... Тогда пиши пропало.

У меня непроизвольно вырвался стон.

Я оглянулась на ребят. У Кадии из Дома Мчащихся, дрыхнувшей в позе звезды, красиво блестели на солнце волосы. Во сне подруга скинула с себя одеяло и возлежала с достоинством, удивительным для человека в пижамке. Дахху же свернулся под пледом в клубок, так что торчали только нос и нестриженные вихры.

Кулек с загадочным мальчиком не шевелился.

Под несмолкающий стук я выбежала в коридор, где за входной дверью скрывались неведомые каратели. Попытка отыскать в голове что-то похожее на план действий окончилась провалом. Лихорадочные мысли гулко врезались в костяные стенки черепа, не встречая

по пути ни грана полезной информации: увы, я всегда была совой, туго соображающей поутру.

Едва я замерла перед дверью, не решаясь ее открыть, как стук оборвался.

— Госпожа Тинави, приветствую, — раздался спокойный и совсем не злой мужской голос. — Я не вовремя?

Хм. Каратели вряд ли были бы столь милы.

— Да, к сожалению, я не при параде, — озадаченно протянула я. — А вы, простите, кто?

— Меня зовут Польшень. Я ваш куратор в Иноземном ведомстве.

— Э-э? Здесь явно ошибка! Я там не работаю!

— Теперь работаете, поздравляю. — В голосе отчетливо слышалась усмешка. — Начиная с сегодняшнего утра, вы занимаете должность Ловчей.

— Что?!

— Разве вы не получили ведомственную ташени? Мы отправили вам летучее письмо вчера вечером.

Мое лицо вытянулось, ведь я не помнила никаких ташени.

Ташени — это магические послания, оригами в виде птичек, которые «оживают» от нужного заклинания и находят адресата в любой точке города. Но если все окна и двери закрыты, ташени не сможет прорваться в дом...

А у меня есть дурная привычка: я люблю запираюсь в своем одиночестве.

16 — Тинави, — чужак, в ответ на мое молчание, заговорил тем мягким тоном, какой выбирают для детей и дураков. — Давайте так. Вы закончите свои дела, приведете себя в порядок, а я подожду здесь. Как будете готовы, выходите. И мы вместе отправимся в ведомство на ваш первый рабочий день.

— В ведомство, — тупо повторила я, — на работу.

Человек выдержал многозначительную паузу.

Потом, судя по возросшей громкости голоса, он прижался к двери вплотную и вздохнул:

— Поторопитесь, если вы все еще хотите у нас работать. Вы ведь хотите?

— Да-да! — сказал мой подлый рот до того, как мозг успел его остановить.

Какое еще «да»?!

Зажав провинившийся рот руками, чтобы еще чего не ляпнул, я, спотыкаясь, попятилась в комнату.

Никогда еще входная дверь в собственный дом не казалась мне такой манящей и пугающей одновременно.

* * *

По спальне бесшумно, но панически металась Кадия. Дахху дрых, посвистывая на выдохе. Заботливо свернутый нами кулек с мальчишкой был размотан и обезкураживающе пуст. Судя по всему, именно это превратило подругу в подобие безмолвного траурного вихря.

Вывод напрашивался сам собой.

— Сбежал?

— Сбежал! — трагическим шепотом подтвердила Кадия. — Я очнулась от хлопанья ставни, — она кивнула на второе окно моей спальни. Уже не панорамное, а обычное, скромно притаившееся за книжными полками.

— Вот прах! — Я с чувством выругалась. Потом озадаченно добавила: — Слушай, тут такое дело. Меня сейчас же вызывают в Иноземное ведомство.

Кадия отшатнулась.

— Я думала, нас максимум оштрафуют за выход к бокки!

— А меня не штрафовать. — Я покосилась в сторону коридора и понизила голос: — Меня приглашают на службу.

— Что? — Кадия распахнула свои прекрасные голубые глаза, приоткрыла пухленький ротик... А потом мыском ноги непочтительно ткнула спящего Дахху.

— А ну подъем! — гаркнула она. — Тут у нас повод для праздника!

— А подождать он не может? — просипел друг и плотнее завернулся в одеяло. — Такой божественный сон...

— Не может. Тинави взяли на работу в Иноземное ведомство!

Дахху мгновенно сел. Вертикальное положение он принял со скоростью игрушки-неваляшки. Проморгавшись, друг ошарашенно обратился ко мне:

— Это правда?

Да чтоб я знала!.. Я развела руками:

— Человек за дверью говорит, что да. Хотя я не подавала заявление, сами понимаете.

Ребята кивнули.

Конечно, они понимали.

Иноземное ведомство — это государственное учреждение. Попасть туда на работу — задача не из легких, и уж точно не по зубам такой, как я.

«Я завязала с магией», — шутила я на трех десятках собеседований, на которые успела сходить после инцидента.

Рекрутеры почему-то не спешили смеяться в ответ. Лишь хмурились и шустро сворачивали разговор под тем или иным предлогом. Я даже стала собирать их отговорки: «Кажется, обеденный гонг звонит... закончим на этом», — мое любимое; услышано в семь утра.

В общем, никто не заинтересовался ни моим блестящим образованием, ни спортивными успехами, ни сокрушительным — ах, если бы! — обаянием, ни другими — реальными и выдуманнными — козырями. Графа «Магические способности: утеряны» метким щелчком складывала карточный домик карьерных надежд, хотя еще год назад все пророчили мне блестящее будущее в Башне магов, о которой я так мечтала. Таяли, один за другим, осенние, зимние, а потом весенние деньки. Таяли деньги на счету. Таяла моя некогда крепкая вера в себя.

Росла гора отказов на каминной полке.

Я прикусила губу:

— Как быть?

— Иди и узнай подробности, — посоветовала Кадия. Дахху задумчиво почесал свой выдающийся нос.

— Может, они социальную программу организовали? Что-нибудь с привлечением к службе не-магов?

— Может, — осторожно согласилась я.

— На месте разберешься. — Кадия бодро отмахнулась. — Только, — она фыркнула, — не спеши убеждать всех, что это недоразумение и ты недостойна работы! Осмотрись, послушай, а там уже рот открывай. Договорились?

— Да. Но мне страшно. Мало ли что им наобещал рекрутер, — призналась я.

— Мне тоже страшно, — проворчала Кадия. — Как подумаю, что ночной ребенок принял нас за похитителей и сейчас со всех ног бежит жаловаться — так прям очень страшно.

Мы втроем растерянно посмотрели на окно. В него, сокращая обзор, кучей вваливались ивовые ветви — частая проблема с окнами Лесного королевства, знаете ли.

Дахху выпутался из одеяла.

— Я найду мальчика. Я поставил на него метку Чондра, и его путь будет светиться для меня легким серебристым цветом. Таким же, как моя новоявленная седина — теперь и на висках, спасибо бокки за это... — Он с сомнением почесал голову под шапкой.

Потом подошел к подоконнику, крякнув, раздвинул ветки и полез наружу.

— Придется повторять все движения мальчика, — пояснил друг и смешно поджал губы в куриную гузку.

— На Ловчего во дворе не нарвись! — всполошилась я. — Не то подумает!

— Все под контролем. Дорожка ведет в овраг. — Дахху неуклюже спрыгнул на розовую клумбу. — А ты иди в ведомство. Вперед к мечте, как говорится.

— Поддерживаю! — Кад задорно хлопнула меня по плечу. Так задорно, что там теперь расплывется синяк.

Внезапно решившись, я бросилась к шкафу и начала судорожно перебирать вещи в попытках найти что-то уместное. Судя по насмешливому уханию Мараха, надежды было ноль. Увы, год жизни в режиме «ракотшельник» плохо влияют на гардероб.

— Возьми это, — посоветовала Кадия. Она ловко выудила из глубин шкафа изумрудное платье в пол. — Хорошо смотрится с синими глазами. Да и вообще, зеленый успокаивает. Правда, вряд ли это спасет такую невротичку, как ты.

— Оно же вечернее!

— Ну... — Кадия окинула критическим взглядом сначала меня, потом платье. — Скорее, нечто среднее между праздничными монахинями и целомудренными дриадами. Главное, летягу сверху не надевай.

— Без летяги я никуда не пойду! — Я сдернула предмет спора со спинки стула, пока этого не сделала Кад.

Любимый плащ шелковисто скользнул по коже, охлаждая мое напряженное сердце. Другие носят на удачу амулеты, но я не мелочусь — таскаю целый плащ.

По летяге меня можно узнать за версту.

Почему «летяга»? Потому что объемный крой, треугольный капюшон и широкие рукава придают плащу сходство с белкой-летягой. Некоторые детишки даже прыгают в таких с деревьев — смутно надеются на красивый полет. Лекари, уставшие заращивать переломы, регулярно подают петиции против обманчивого фасона, но тщетно: несколько лет назад Торговая палата объявила летягу традиционным нарядом королевства.

20

Однако мой плащ — уникам. Во-первых, он невероятного бирюзового цвета.

Во-вторых, заодно топорщится сотней кармашков, ведь я жуткая барахольщица. Для комфортной жизни мне нужно носить с собой кучу мелочей: я распахиваю их по цветным карманам, которых с каждым годом становится все больше, и горя не знаю. Зеркальце, ягодные леденцы, писчее перо, нож, пустырьник и томик